

СТРУКТУРА И ДИНАМИКА РЕПРЕССИВНОЙ ПОЛИТИКИ В ВОСТОЧНОМ КАЗАХСТАНЕ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

д-р ист. наук
Восточно-Казахстанский госуниверситет
им. С. Аманжолова,
г. Усть-Каменогорск
e-mail: sovetuk@rambler.ru

Автор рассматривает репрессивную политику, направленную против советского народа, анализирует статистические данные, полученные в ходе изучения архивных материалов по Восточному Казахстану, прослеживает их динамику, выделяя группу обвинений, предъявляемых репрессированным в годы Великой Отечественной войны. Результатом проделанной автором работы является введение в научный оборот новых архивных документов и статистических данных по репрессивной политике в Восточном регионе.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, репрессии, арест, обвинение, статья, НКГБ, этнодепортация, дезертиры, шпионаж, спецпоселенцы.

Следствием любых военных действий и военной обстановки являлись репрессии. Любое проявление недовольства, сопротивления и саботажа в годы военных действий воспринимались репрессивным аппаратом как контрреволюционный акт, направленный на покушение на государственную власть. Наказание следовало немедленно. В годы Отечественной войны силовые структуры получили практически неограниченную свободу действий. В глубоком тылу практиковались акции, направленные как против конкретных лиц, так и групп депортированного населения. Целью данной публикации является анализ структуры и динамики репрессивной политики в военные годы на материалах Восточного Казахстана с привлечением ранее недоступных историкам документов и материалов, хранящихся в ведомственных архивах. Общий объем просмотренных следственных дел с 1920 до 1953 г. составил около 7 тыс. единиц хранения.

Великая Отечественная война вызвала к жизни принятие целого ряда документов, регламентировавших как жизнь в стране в целом, так и действия войск НКВД. Законодательные акты принимались как на самом высоком уровне, так и на уровне отдельных фронтов. Основой правовой деятельности силовых ведомств стали указы Президиума Верховного Совета СССР, постановляющие документы СНК и ЦК ВКП(б), приказы и директивные инструкции НКВД СССР, НКГБ СССР, ГУКР «Смерш». Основное содержание репрессивной политики по-прежнему регламентировалось Уголовным кодексом 1926 г.

Анализ архивных материалов, хранящихся в Департаменте Комитета национальной безопасности РК по ВКО (ДКНБ РК по ВКО), позволяет говорить о действии уже в предвоенное время особого правового режима, ужесточенного с началом войны. Все предъявленные репрессированным с 1940 г. по начало 1945 г. обвинения можно сгруппировать в следующие категории: 1) антисоветская агитация пораженческого характера; 2) вредительская и шпионско-диверсионная деятельность; 3) измена родине и подготовка акта к измене; 4) контрреволюционная агитация и саботаж; 5) нахождение в плену; 6) недонесение о преступлении; 7) причастность к какой-либо организации антисоветского, контрреволюционного, националистического, религиозного характера; 8) члены семьи изменника родины.

В долевым отношении перечисленные выше категории подвергшихся аресту распределились следующим образом: 61 % репрессированных причислялся к первой группе, 10 % – ко второй, 7 % – к четвертой, по 6 % – к седьмой и восьмой, 5 % – к третьей, 3 % – к пятой, 2 % – к шестой группе¹.

Почти 2/3 репрессированных обвинялись по ст. 58-10 в «антисоветской агитации» («АСА»), трактовавшейся крайне широко. Под нее подводились и тем самым криминализировались не столько действия, сколько настроения или поведение людей, недовольных экстремальными условиями жизнедеятельности. Массовость репрессированных по указанной категории свидетельствовала о широкой распространенности этих настроений, равно как и о жесткости наказаний как меры устрашения. Так, в письме секретаря ЦК КП(б) Казахстана Скворцова от 12 сентября 1942 г. «о борьбе с распространением провокационных слухов и усилении агитационно-массовой работы среди колхозников, рабочих МТС и совхозов» отмечались факты «враждебной антисоветской» работы, якобы направленные на затяжку уборки урожая и срыв хлебозаготовок. Ее носителями объявлялись «контрреволюционные, байские элементы из раскулаченных, спецпереселенцы», которых требовалось «выявлять, разоблачать и передавать материалы судебным органам»². «АСА», несмотря на директивы по ее пресечению, продолжала устойчиво фиксироваться и после войны, о чем свидетельствовало закрытое письмо руководства Восточно-Казахстанского обкома секретарям райкомов партии от 15 сентября 1945 г., где говорилось, что «...за последнее время в отдельных районах и колхоза участились факты проявления антиколхозного настроения...»³.

1 Подсчитано нами на основании следственных дел, хранящихся в Архиве Департамента Комитета национальной безопасности Республики Казахстан по Восточно-Казахстанской области (ДКНБ РК по ВКО). Ф. 1.

2 Государственный архив Восточно-Казахстанской области (ГА ВКО). Ф. П-1. Оп. 1. Д. 772. Л. 45.

3 Там же. Д. 3315. Л. 48.

«Вредительская и шпионско-диверсионная деятельность» (ст. 58-6, 58-7, 58-9) – термин, весьма востребованный чекистами в пик «Большого террора», вновь приобрел актуальность в годы войны: доля группы обвиненных по этим статьям УК составила 10 %. Следует отметить, что в Восточном Казахстане обвинения в «шпионаже в пользу Германии» в рассматриваемый период составляли ничтожный процент, в предвоенные годы их было значительно больше.

Обвиненные в «контрреволюционном саботаже и диверсиях» (7 %) подвергались репрессиям на основе действия государственных указов от 26 июня и от 10 июля 1940 г. Любое экономическое правонарушение, нарушение производственного процесса, обычная поломка детали и прочие проступки в условиях военного времени могли трактоваться как заранее спланированный диверсионный акт или саботаж – седьмая и восьмая группы (по 6 % каждая). В чрезвычайных обстоятельствах аппарат НКВД нацеливался на постоянный поиск потенциальных врагов государства, занимавшихся организацией контрреволюционной или диверсионной деятельностью. Составлявшие восьмую группу подвергались репрессиям автоматически – за причастность к семье «врага народа», за родственные связи, в обвинительной части у представителей этой группы писалось – «член семьи изменника родины».

Третья, пятая и шестая группа (с показателями 5, 3 и 2 % соответственно) обвинялись в «измене родине» или «подготовке акта к измене», в «нахождении в плену», «недонесении о преступлении». Эти группы вобрали в себя широкий и пестрый состав – от дезертиров до членов семей попавших в плен. Что касается шестой группы, то репрессиям подвергались члены семей, которых обвиняли в факте сокрытия преступления, в укрывательстве преступника и пр. Арест представителей пятой группы происходил согласно приказу от 16 августа 1941 г. за № 270: попавшие в плен считались злостными дезертирами, а члены их семей подлежали аресту. Еще 1 июля 1941 г. было принято Положение о военнопленных, утвержденное постановлением СНК за № 1798-800 с; оно закрепило наказания, предусмотренные в советском законодательстве статьями УК РСФСР в редакции 1926 г. [1].

По материалам ГА ВКО можно выделить две группы дезертиров: первая включала лиц, уклонявшихся от военной службы, вторая – уклонявшихся от работы на военно-промышленных объектах. К «дезертирам промышленности» (так их называли в сводках УНКГБ) чаще всего относились спецпереселенцы, не выдерживавшие тяжелых условий труда. Так, массовое дезертирство наблюдалось в Риддере, в частности на Сокольном руднике и Свинцовом заводе, где во втором квартале 1943 г. произошло 113 побегов⁴.

На основании постановления СНК СССР от 29 июня 1944 г. областной суд Восточного Казахстана обязан был рассматривать дела на «дезертиров промышленности», привлекаемых по Закону от 26 декабря 1941 г., в трехдневный срок, однако вследствие большого количества пойманных дезертиров УНКГБ области не успевало этапировать заключенных в суд.

На основе анализа архивных дел нами выделено 207 следственных дел по военным служащим, или 3 % из всего блока изученных нами дел⁵. Большая часть военнопленных была приговорена к 10 годам лишения свободы – 62 %, к высшей мере наказания – 15 %, 9 % – к восьми годам, 7 % – к семи и пяти годам лишения свободы⁶. В обвинительной части указывались «антисоветская пропаганда», «измена родине», изредка встречается «шпионаж» и «нахождение в плену». Все следственные дела рассматривались особыми отделами войсковой части, к которой были прикреплены подследственные, а приговоры выносились Военным трибуналом. Информация по следственному делу после вынесения приговора отправлялась в НКВД–НКГБ по месту призыва военнопленного, т. е. по месту его жительства. По анализируемым нами делам она посылалась в УНКВД по ВКО.

В изучаемое время произошло значительное ужесточение наказаний за преступления, в мирное время наказания за аналогичные преступления были более мягкими. В частности, за антисоветскую агитацию с пропагандой откочевки из колхоза, нахождение в плену, хранение листовок с антисоветским содержанием, газет времен Колчака, прием вражеских радиопередач – в военное время приговаривали к высшей мере, тогда как до войны за это устанавливались сроки наказания от 3-х до 10 лет.

Распределение репрессированных в ВКО по вынесенным приговорам в военное время показало, что 50 % из числа осужденных были приговорены к 10 годам лишения свободы, 24 % – к высшей мере, 9 % – к пяти годам лишения свободы, 8 % – к 8 годам. Как правило, большинство лиц, обвиненных как ЧСИР, приговаривались к пяти годам⁷.

Пик арестов (30 %) пришелся на вторую половину 1941 г., что объясняется началом военных действий и первыми неудачами на фронтах, ростом «пораженческих настроений» среди населения, а также поиском потенциальных членов «пятой колонны». В 1942 г. арестов – 25 %, что свидетельствует о некоторой стабилизации политических настроений в обществе. Уменьшение показателей произошло к 1944 г. (9 %) и некоторый рост отмечается в 1945 г. (11 %), что объясняется появлением новых категорий «спецконтингента», в том числе бывших в плену, репатриантов и др. Распределение репрессированных в ВКО в военные годы по национальностям указывает на близость значений доли репрессированных русской и казахской национальностей (40 и 37 % соответственно)⁸.

В военные годы контингент спецпереселенцев в ВКО существенно пополнился за счет этнодепортаций. Отсюда появление среди репрессированных чеченцев, немцев (14 и 2 % соответственно). Они обвинялись в выдвижении требований за возвращение на Родину, в антисоветской агитации, саботаже и контрреволюционных деяниях. Силовые структуры, а за ними и местная власть, и население рассматривали их как потенциальных контрреволюционеров, способных к активным политическим действиям. За ними устанавливался разветвленный контроль, что позволяло

4 Там же. Д. 1538. Л. 51.

5 Процент подсчитан автором на основании следственных дел репрессированных в 1941–1945 гг. – ДКНБ РК по ВКО.

6 То же.

7 То же.

8 То же.

чекистам владеть информацией о поведении спецпереселенцев, об их высказываниях и пр. Депортированные попадали в тяжелые условия, оказывались на грани выживания, а естественное желание вырваться из этих условий расценивалось как политический протест.

В Центре правовой статистики и информации при Прокуратуре ВКО хранится документация по спецпоселенцам Восточного Казахстана. Анализ ее содержания показал, что репрессивная политика в отношении данной категории имела всеобъемлющий характер: не только аресты, но и постоянный контроль за поднадзорными – регистрация и явки в спецкомендатуру, учет миграционных передвижений, демографических изменений. Разнообразную информацию для реконструкции карательных акций содержат объяснительные спецпоселенцев по тем или иным конкретным случаям нарушения режима поселения, а также протоколы судебных заседаний, касающихся наказания лиц, совершивших правонарушения.

Спецпереселенцы с Кавказа попадали в непривычные климатические условия, выполняли тяжелую физическую работу, жили в непригодных помещениях. Антисанитария, нехватка продовольственных пайков, теплой одежды, высокая смертность приводили к появлению в их среде озлобленности, враждебности, имелись случаи открытых выступлений⁹. Позиция председателя колхоза «Красная Нива» как нельзя лучше показывает отношение местного руководства к спецпереселенцам: «Спецпереселенцев надо расстрелять и утопить в речке, т. к. есть чем заниматься и без них»¹⁰. Для того чтобы выжить, некоторые становились на путь грабежа и убийства, о чем свидетельствуют архивные материалы. В сводках НКГБ сообщалось об арестах депортированных чеченцев, обвиняемых в грабежах и насилии¹¹. Правоохранительным органам приходилось не только искать «черную кошку в черной комнате», но и бороться с реальными преступными бандитскими формированиями, активизировавшимися в годы войны, занимавшимися грабежами мирного населения, складов, магазинов.

Выявленные нами статистические данные по Восточному Казахстану подтверждают общую направленность, масштабы и динамику репрессий, осуществлявшихся в целом по стране. Анализ региональных статистических данных свидетельствует, что на 1930–1940 гг. приходится 77 % репрессированных, на военные 1941–1945 гг. – 13, на послевоенные

1946–1953 гг. – 9 %. Если взять за основу «Справку спецотдела МВД СССР о количестве арестованных и осужденных органами ВЧК–ОГПУ–НКВД СССР в 1921–1953 гг.», датированную 11 декабря 1953 г. и подписанную и. о. начальника 1-го спецотдела полковником Павловым, то выясняется, что осуждению во внесудебном порядке подверглось 2 849 875 чел. [2, с. 433]. Отсюда удельный вес репрессированных в Восточном Казахстане составляет 0,30 %¹².

Восточный Казахстан вследствие географического, этнического, экономического своеобразия являлся отнюдь не маловажным регионом страны. Его значимость определялась пограничным (географическим) фактором – близостью границ с Китаем, этническим – смешением казахского и русского населения, компактным проживанием, экономическим – сосуществованием различных форм ведения хозяйства. Отметим, что эта специфика экономической жизни порождала различные формы протеста – от стихийных до массовых крестьянских восстаний, которые в основном и дали для региона в довоенные годы два пика репрессий – 1930–1931 и 1937–1938 гг. Новый пик пришелся на 1941–1942 гг. Последующее снижение динамики репрессий означало, с одной стороны, ликвидацию активной части общества, выступавшей против насилия власти, а с другой – переход недовольных к пассивным формам протеста. Наличие депортированного населения в регионе и его приток в годы войны создали прецедент вторичных репрессий (аресты представителей депортированного населения в Восточном Казахстане, повторная их ссылка в другие районы). Этот феномен можно рассматривать как «репрессивное эхо войны».

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ивашов Л., Емелин А.* Нравственные и правовые проблемы в отечественной истории // Военно-исторический журнал. 1992. № 1. С. 44–49.

2. ГУЛАГ (Главное управление лагерей) 1917–1960 гг. / Международный фонд «Демократия»; сост. А. Кокурин, Н. Петров; науч.

9 ГА ВКО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 2750. Л. 14.

10 Там же. Д. 3420. Л. 20.

11 Там же. Ф. 462. Оп. 4. Св. 10. Д. 88. Л. 4.

12 Подсчитано автором с учетом общесоюзного и регионального показателей.

ред. В. Шостаковский. М., 2000. 855 с.

*Статья поступила
в редакцию 26.01.2012*